УДК 81'42

DOI 10.17516/2311-3499-048

ИДЕЯ САМОУМАЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В РУССКОЙ МОНАШЕСКОЙ ЭПИСТОЛЯРНОЙ КУЛЬТУРЕ XX ВЕКА: ЛИНГВОКОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ

А. Н. Смолина

В статье рассматривается специфика воплощения в эпистолярной русской церковных писателей-монахов идеи самоумаления (кеносиса/кенозиса) человека, продвижение которой увязывается с развитием в русском православном социуме религиозно-философского учения исихазма. Привлекая тексты адресованных духовным ученикам писем, автор статьи очерчивает круг основных идей, реализующихся в них, в частности идей покаяния, смирения, обожения, спасения, умного делания, и вписывает идею самоумаления в исихастскую идеосферу. В центре внимания находится содержательная составляющая идеи самоумаления человека, репрезентирующая ее образы и языковые единицы. Как ключевые выделяются образы Иисуса Христа, мытаря (воплощающего раскаяние, подлинное, искреннее покаяние, смирение и умаление себя перед Богом) и хриstopодобных людей (святых). Как наиболее значимые в языковой реализации идеи самоумаления человека выделяются используемые авторами по отношению к себе определения «недостойный», «недостойнейший», «грешный», «многогрешный», «архигрешный», «убогий», «нижайший», «приснослабый». В число свидетельствующих об умалении себя перед Богом и людьми включаются и такие языковые единицы, как «раб», «грешник», «раб неключимый», используемые писателями-монахами в самохарактеристиках. Отдельно рассматривается роль идеи самоумаления в жизни христианина и христианского общества, заключающаяся (прежде всего) в способствовании обретению послушания воле Божией и достижению спасения души через осознание греховности, избавление от греха, его покаянное признание.

Ключевые слова и фразы: исихастская идеосфера; идея самоумаления (кеносиса); покаяние; спасение; репрезентация идей; ключевые образы; языковые репрезентанты; кенотические языковые единицы.

THE IDEA OF A PERSON'S SELFDEBASEMENT IN THE RUSSIAN MONASTIC EPISTOLARY CULTURE OF THE 20th CENTURY: LINGUO-COMMUNICATIVE ASPECT

A.N. Smolina

The article deals with the specifics of the representation in the Russian church writers-monks' epistolaria the idea of selfdebasement (kenosis) of a person, the advancement of which is linked to the development of the hesychasm, a religious-philosophical teaching in the Russian Orthodox society. On the basis of the letters addressed to the spiritual students, the author of the article outlines a range of main ideas that are realized in these letters, in particular, the ideas of repentance, peace, deification, salvation, tacit prayer, and includes the idea of selfdebasement into the hesychastic ideosphere. The focus is on the contents component of the idea of a person's selfdebasement, representing its images and language units. The key images are the ones of Jesus Christ, a tax-collector (who embodies repentance, genuine sincere repentance, peace and selfdebasement in front of the God) and Christ-like people (the saints). The most significant language units implementing the idea of a person's selfdebasement are the definitions used by the authors in relation to themselves are unworthy, the most unworthy, sinful, sinister, miserable, lowest and weak. Among language units diminishing themselves in front of the God and the people are the ones like a slave, a sinner used by writers-monks in self-characteristics. Separately, the author of the article

considers the role of the idea of selfdebasement in the life of a Christian and a Christian society, which consists (first of all) in appropriation of obedience to the God's will and achieving soul salvation through the realization of sinfulness, deliverance from the sin, its repentance.

Keywords and phrases: *hesychastic ideosphere; the idea of selfdebasement (kenosis); repentance; salvation; representation of ideas; key images; language representatives; kenotic language units.*

Введение

Идея самоумаления (кеносиса) человека становится одной из основных в русской монашеской словесности, изучение которой, на наш взгляд, сегодня весьма необходимо, и на то есть несколько оснований. Главное, о чем здесь стоит сказать, это то, что монашеская словесность – исключительное с идейно-художественной точки зрения явление отечественной культуры, малоисследованное и еще не вписанное в контекст русской словесности. В духовном наследии русского монашества мы видим и особую идейную составляющую, и уникальный язык, и свою систему жанров, и специфическое воплощение жанров, функционирующих в иных стилях. Обращение к монашеской словесности также значимо и для исследования истории развития русской культуры в целом. Как потому, что становление и развитие монашеской словесности – это неотъемлемая часть литературного процесса, так и потому, что творения русского монашества оказывали (и продолжают оказывать) серьезное влияние на русскую словесность в целом, в особенности – на художественную.

Здесь важно упомянуть и о том, что русское монашество в течение многих веков влияло на жизнь русского общества и государства, на это указывают многие исследователи, в частности И.В. Астэр. «За время своей многолетней истории монашество с разной степенью интенсивности выполняло ряд важнейших культурных функций: мировоззренческую, экологическую, интегративную, духовно-нравственную, коммуникативную, информационно-просветительскую, экономическую, социального патронажа, художественно-эстетическую и компенсаторную», – читаем в работе «Современное русское православное монашество как социокультурный феномен» [Астэр 2009: 7]. Однако более всего, на наш взгляд, придает значимости изучению монашеской словесности то, что наша отечественная литература зародилась и на протяжении многих веков развивалась в монастырях, а первые русские писатели (первоначально – книжники) были монахами. Весомость вклада монашества в развитие русской литературы удалось показать современному российскому ученому-филологу, журналисту и издателю иеромонаху Симеону (Томачинскому). В докладе «Монашество в истории русской словесности» иеромонах Симеон останавливает внимание на том, что многие культурно значимые произведения русской литературы написаны монахами [Симеон (Томачинский). URL: <http://www.pravoslavie.ru/65647.html>]. Укажем лишь на некоторые из них: «Слово о законе и благодати» (XI век) написано святителем Иларионом Киевским (митрополитом Иларионом); «Повесть временных лет» (XII век) – монахом Киево-Печерской лавры преподобным Нестором Летописцем; «Повесть о Петре и Февронии Муромских» (XVI век) – иеромонахом Еразмом.

Существует еще одно основание для обращения филологов к духовному наследию русских писателей-монахов. В последние десятилетия и лингвистами, и литературоведами активно исследуется церковно-религиозный стиль, который постепенно вписывается в систему функциональных стилей русского языка. На наш взгляд, монашеская словесность, будучи частью церковно-религиозной словесности в целом, является наиболее показательной в плане изучения особенностей языка православной культуры; творения писателей-монахов дают больше возможностей для выявления содержательных и языковых особенностей жанров церковно-религиозного стиля. Подтверждение тому мы находим прежде всего в различных текстах церковно-религиозного стиля. Обращение к наследию церковных писателей (как монашествующих, так и немонашествующих) показывает, что в монашеской среде следование

мировоззренческим и языковым традициям русской христианской культуры более строгое и, соответственно, в языке в большей мере сохраняется церковно-религиозное начало. То, что черты православной культуры заметнее обнаруживают себя в наследии монашества, а монастыри становятся хранителями традиций православия, отмечают многие российские исследователи христианства. В частности, А.В. Моргачева в работе «Русская культура: влияние монашества на формирование ее универсалий» пишет: «Монашество представляет собой одно из наиболее ярких явлений православной культуры, изучение которого способствует глубокому осмыслению всей отечественной культуры. Наибольшее значение здесь имеет тот факт, что монашество – явление идеальное, благодаря чему в нем в самом чистом виде можно проследить сущностные черты православной культуры, стержнем которой монашество является» [Моргачева 2011: 3]. С.В. Чадаева утверждает, что православный монастырь «был и будет одной из наиболее представительных и значимых организаций, выступающих хранителем духовных традиций и распространителем их среди русского народа», что он «как социальная и культурная организация по сохранению, воспроизводству и трансляции православной духовности решает важнейшую задачу сплочения нации на основе духовности... обеспечивает культурную преемственность» [Чадаева 2003: 6, 169].

Эпистолярная культура русского монашества только начинает изучаться. Предметом исследования российских литературоведов В.В. Кашириной и Т.Л. Воронина становится духовное письмо [Каширина 2007; Воронин 2007]. Лингвистом И.Ю. Ярмольской написана диссертация, посвященная духовному посланию [Ярмольская 2006]. Нами в разное время были опубликованы работы, в которых представлены результаты изучения с лингвистических позиций жанра духовного письма. Среди них статьи «Речевой жанр совета в духовных письмах русских церковных писателей XX века», «Речевой жанр утешения в эпистолярном церковно-религиозном общении (на материале писем русских церковных писателей-монахов XX века)» и монография «Речевой этикет русского духовного письма» [Смолина 2016; 2018а; 2018б]. В данной работе также рассматривается духовное письмо, а именно особенности реализации в нем идеи самоумаления человека.

Цель исследования состоит в том, чтобы показать место идеи самоумаления (кеносиса) человека в системе идей религиозно-философского учения исихазма, раскрыть специфику христианского содержательного наполнения этой идеи, продемонстрировать особенности ее воплощения в текстах писем русских церковных писателей-монахов, рассмотреть коммуникативную роль самоумаления в русской монашеской эпистолярной культуре XX века.

Материал исследования

В ходе работы над статьей привлекались письма духовным ученикам русских писателей-монахов XX века: игумена Никона (Воробьева), схиигумена Иоанна (Алексеева), архимандрита Иоанна (Крестьянкина), митрополита Иоанна (Снычева), митрополита Макария (Невского), монахини Параскевы (Матиешиной), схиархимандрита Серафима (Романцова), иеросхимонаха Анатолия (Потапова), схиархимандрита Виталия (Сидоренко), архиепископа Варлаама (Ряшенцева).

Результаты и обсуждение

Идея самоумаления человека, формируясь в русле учения исихазма, становится одной из основных идей русского православия, затем – духовной словесности и далее входит в русскую классическую литературу прежде всего через произведения Ф.М. Достоевского. Изучение воплощения этой идеи в произведениях духовной и мирской словесности неизбежно приводит к рассмотрению вопросов, связанных с влиянием на русскую культуру исихазма в целом и отдельных его идей в частности. На важность изучения исихастской традиции указывал в середине XX столетия Д.С. Лихачев: «Сложное учение исихастов... нуждается во внимательном изучении. Ясно одно: в нем сказался тот же интерес к психологии человека, к “внутреннему человеку”»

(термин одного из основателей исихазма – Григория Синаита), к его индивидуальным переживаниям, к возможностям личного общения с Богом..., которые были характерны для многих культурных явлений XIV в.» [Лихачев 1958: 47]. Д.С. Лихачев пишет о влиянии исихазма на русскую культуру: «В России исихазм оказывал воздействие главным образом через Афон. Центром новых мистических настроений стал Троице-Сергиев монастырь, основатель которого Сергей Радонежский “божественныя сладости безмолвiа вькусив” (ЖСерг., 57). Из этого монастыря вышел главный представитель нового литературного стиля Епифаний Премудрый и главный представитель нового течения в живописи Андрей Рублев...» [Там же]. Современный исследователь духовной культуры О.А. Комков, рассматривая связь религиозного мировоззрения русских иконописцев и писателей и их произведений, выходит на размышления о причинах принятия русским обществом исихастских идей: «...анагогическое ядро учения – возвышение ума и проникновение его в высшую реальность – определило не только широкое распространение исихастских идей в русской монашеской среде, но и их усвоение во всех формах православной духовно-художественной практики» [Комков 2009: 61]. Об исихазме и его значении в развитии культуры также говорится в работах «О византийском исихазме и его роли в культурном и историческом развитии Восточной Европы в XIV веке» И.Ф. Мейендорфа [Мейендорф 1974], «Исихазм в восточнославянской культуре» М.Н. Громова [Громов 2009], «Исихастское учение в культуре Киевской Руси...» С.М. Шумило [Шумило 2009].

Какое содержание вкладывается в понятие «исихазм» философами и богословами XX–XXI веков? В словаре «Русская философия» исихазм определяется как «этико-аскетическое учение о пути человека к единению с Богом» [Русская философия... 1995: 193]. В «Православной энциклопедии» автором словарной статьи «Исихазм» А.Г. Дунаевым говорится о том, что сегодня выделяется несколько значений термина «исихазм», в частности таких: «1) христ. монашеская жизнь, преимущественно отшельническая, ставящая своей целью созерцание и молитву; 2) практика *молитвы Иисусовой* и особые связанные с ней психофизические приемы; 3) богословие свт. *Григория Паламы*, имевшее своей целью, в частности, защитить и обосновать практику Иисусовой молитвы; 4) “политический исихазм” – комплекс социокультурных и политических идей, зародившихся в Византии и распространившихся в славянских странах...» [Православная энциклопедия 2011: 240]. И.Ф. Мейендорфом – одним из ведущих православных богословов XX века, крупнейшим специалистом в области патристики и византийской истории – рассматривалось четыре смысла употребления слова «исихазм», при этом ученый отмечал, что «...первоначально единственный смысл этого термина отражает созерцательную, отшельническую форму жизни христианского монашества...» [Мейендорф 1974: 292]. Обращаясь к древнему пониманию исихии (одно из ключевых понятий в теории исихазма), И.Ф. Мейендорф писал, что «слово “исихия”... – “покой”, “безмолвие” – указывает на идеал индивидуального отшельничества...» и предполагает «строгую внешнюю дисциплину труда и жизни» [Там же]. О жизни монаха-исихаста исследователь говорил, что она определяется «внутренней молитвой, “умным деланием”, стремлением к личному обожению как началу преображения других людей и всего мира» [Там же]. Понимание исихазма, основанное на первоначальном значении греческого слова «исихия» (покой, безмолвие), на которое указывал И. Ф. Мейендорф, находит отражение в работах современных российских богословов. В частности, такое понимание представлено в трудах кандидата богословия игумена Симеона (Гаврильчика): «Исихазм, священное безмолвие, имеет своим началом внешнее безмолвие, удаление от мира. То есть существует как внешний, так и внутренний исихазм» [Симеон (Гаврильчик). URL: <https://goo.gl/DLKJh9>]. Внешняя исихия, как замечает игумен Симеон, особенно необходима первоначальным, поскольку «не только удаляет... от излишних впечатлений и внешних хлопот, но приучает... к жизни внимательной и сосредоточенной, отучает от постоянного кружения, рассеянности, обращает... к своему

внутреннему миру, что, в свою очередь, приводит к познанию своего душевно-духовного состояния» [Там же].

В исихазме, как и в любом этическом учении, присутствуют основополагающие идеи, которые определяют его содержательную сущность. К ним относятся идеи спасения, обожения, покаяния, смирения, самоумаления, умного делания, молитвенного делания (молитва – вид умного делания), любви к Богу и ближним. Конечно же, идей, которые несёт в себе исихазм, значительно больше, мы останавливаемся на тех, что наиболее близки идее, рассматриваемой в представляемой работе. Коротко скажем о содержательной составляющей этих идей. Спасение – исцеление от греха, его последствий и обретение Царствия Божиего. Обожение (по Дионисию Ареопагиту) – уподобление по мере возможности Богу и единение с Ним. Покаяние – осознание своей греховности, сердечное сокрушение, молитвенное обращение к Богу о прощении грехов. Смирение – осознание своих недостатков и своего несовершенства, примиренность с Богом, людьми и самим собой, объективное видение окружающей действительности, покорное отношение к Богу. Самоумаление человека (кеносис человека) – послушание воле Бога, отсутствие самопревозношения, готовность к самоотдаче, способность к жертвенности. Умное делание – хранение ума и сердца от греховных помыслов с помощью Иисусовой молитвы. Молитвенное делание – совершение/творение молитвы к Богу. Любовь к богу и ближним (христианская любовь) – жертвенное служение.

Какое же место занимает в идеосфере исихазма идея самоумаления? Высшими в исихастском учении становятся идеи спасения и обожения, поскольку их достижение – важнейшие жизненные цели христианина. Историк и богослов Ю.И. Рубан о спасении пишет: «спасение... в религиозном мировоззрении – предельно желательное состояние человека, характеризующееся избавлением от зла – как морального (“порабощенности греху”, – Рим. 7: 14), так и физического (страдания и самой смерти), ...является конечной целью религиозных усилий человека и высшим даром со стороны Бога» [Рубан. URL: <https://azbyka.ru/spasenie-ruban>]. О движении человека по пути обожения богослов Иустин (Попович) писал: «Человеческая личность, благодатно преображенная этической триадой (верой, надеждой, любовью), постепенно формируется – κατὰ Χριστόν – по Христу, пока не станет “христообразной”, пока не обó жится» [Иустин (Попович). URL: <https://goo.gl/cCmqAJ>]. Достижение спасения и обожения и в целом движение по христианскому пути невозможно без покаяния. Покаяние – одна из первых и самых важных ступеней преображения человека, то, с чего начинается путь христианина. Покаяние становится началом умного делания. Философ и богослов П.Б. Сержантов о его значении пишет: «Первым событием на исихастском пути является покаяние. Оно выражается в молитве о прощении грехов» [Сержантов 2010: 99]. Покаяние связывается в христианском учении с изменением ума, на что, в частности, указывают при работе с духовными смыслами текстов исследователи, изучающие русскую литературу. Например, литературовед А.Н. Ужанков акцентирует внимание на том, что покаяние (или метанойя по-гречески) есть перемена ума, перемена сознания, что «после покаяния очистившаяся душа способна вернуться в безгреховное состояние» [Ужанков 2017: 94]. Покаяние приводит человека к смирению. Богослов К.Е. Скурат об этом пишет: «С покаянием неразрывно связано смирение, или, как говорит митрополит Вениамин (Федченков): “...покаяние ведет к смирению”» [Скурат. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Konstantin_Skurat/svjatost-rusi/19]. Смирение связано с осознанием своих недостатков и своего несовершенства. Эти мысли развиваются в трудах богослова и церковного историка А.А. Бронзова, который о смирении говорил как о чувстве «сознания своих недостатков, своей немощи и слабости, своей зависимости» и о добродетели «резко обособляющей христианина от не христианина» [Бронзов. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Bronzov/hristianskaja-dobrodetel-smirenje/].

Смирение лежит в основе самоумаления. Иногда понятие «смирение» определяется через понятие «самоумаление». Современный российский теолог С.В. Никитина, рассматривая богословское осмысление архимандритом Софронием (Сахаровым) аскетического опыта любви и смирения, отмечает, что «...в содержании понятия смирения отец Софроний... особо выделяет самоумаление...» [Никитина 2012: 95]. Говоря об умном делании, следует указать на то, что оно должно осуществляться непрестанно. О сути этого ключевого богословского понятия филолог В.И. Постовалова пишет: «...умным, или мысленным, деланием... именуется мистико-аскетическое делание подвижника-исихаста, направленное на достижение созерцания и соединение с Богом. Такое внутреннее делание включает два тесно связанных момента. Это внимание (трезвение), т. е. хранение ума от всего лишнего, что мешает внутренней (умной) молитве, – от чувственных впечатлений, образов и т. д. И – непрестанную, обычно Иисусову, молитву. <...> Глубинное основание умного делания составляет установка на исполнение заповедей» [Постовалова 2012: 68]. Умное делание – путь человека к духовному и нравственному совершенствованию, и он невозможен без молитвы. «Молитва... составляет одно из могущественных средств в нравственном росте, ибо она сама по себе есть стремление к святости, к тому, чтобы угодить Господу, стать чистым, непорочным, совершенным», – читаем у К.Е. Скурата [Скурат URL: <https://goo.gl/uEPXqp>]. Совершенствование в христианском понимании, достижение обожения и спасения невозможно без воспитания в себе любви. «Вера и надежда недостаточны для того, чтобы поднять человека на высшую ступень нравственного совершенства. Для достижения последнего необходима высшая христианская добродетель – любовь», – писал философ И.М. Андреевский [Андреевский. URL: <https://goo.gl/T7wKeD>].

Сделаем краткое обобщение. Покаяние ведет человека к смирению. Смирение становится основой самоумаления. Каясь, смиряясь, умаляя себя перед Богом и людьми, учась христианской любви, творя молитву, совершая умное делание, человек движется к обожению и спасению, преображается. Самоумаление способствует обретению послушания воле Божией, веры в Промысел Божий, достижению спасения души через осознание собственной греховности, избавление от греха, его признание и покаяние.

Остановимся подробнее на идее самоумаления и ее роли в коммуникативной культуре православных верующих, в частности в культуре взаимоотношений духовного наставника и его ученика. На наш взгляд, здесь обязательно следует сказать о том, что пример безграничного смирения и искреннего самоумаления христианам дает Иисус Христос. То, что писатели-монахи учат смирению и, соответственно, самоумалению, советуют развивать в себе эти добродетели и сами являют собой их образец, связано с тем, что смирению учил Христос, ему следовали Отцы Церкви, церковные писатели более позднего времени. Обратимся в этой связи к словам Иисуса Христа о смирении: «возьмите иго Мое на себя и научитесь от меня, ибо я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим» (Мф. 11: 29).

Для обозначения самоумаления как послушания человека воле Бога, отсутствия самопревозношения, готовности к самоотдаче, способности к жертвенности, бесконечности смирения, самоуничтожения используется также термин «кеносис», реже – «кенозис». В богословии этим термином обычно обозначается «уничтожительное состояние, добровольно воспринятое Сыном Божиим при *воплощении* для спасения мира» [Православная энциклопедия 2013: 446]. При этом отмечается, что кеносис «характеризует всю земную жизнь Иисуса Христа и свидетельствует о великой любви Бога к человеку», что «предельное уничтожение Христа явлено в Его крестных страданиях и смерти» [Там же]. В настоящее время все активнее в научный оборот вводится термин «кеносис человека» (иногда – «человеческий кеносис»). Например, он встречается в философских работах В.Б. Рожковского [Рожковский 2010, 2012], Ю.К. Думитраке [Думитраке 2014], теологических работах С.В. Никитиной [Никитина 2010, 2012].

О значении идеи кеносиса в формировании русской культуры историк К.В. Цеханская, показывая роль русских старцев в духовном руководстве, писала: «Русское старчество создало и сохранило национально-самобытный камертон молитвы, затрагивающий в русском характере, прежде всего, покаянно-жертвенную струну. Представляется, что эта жертвенность, связанная с осмысленным духовно-волевым устремлением личности, сформировала на русской почве особый, русский архетип святости. Его можно охарактеризовать как кенотипическое самоумаление, сознательное самопожертвование народа в подражание кенозису Иисуса Христа, Его Жертве, Его страданиям» [Цеханская 2016: 47].

Содержательно ближе всего к идее самоумаления в исихастской идеосфере находятся идеи смирения и покаяния. В этой связи можно обратиться к мыслям современного философа С.Н. Скокова, который отмечает, что в покаянии творится самоумаление человеческого Я [Скоков 2002: 20]. Читая письма церковных писателей-монахов, мы видим тесную взаимосвязь покаяния, смирения и самоумаления. Авторы предстают перед нами скромными, невысокомерными, смиренными, кающимися, и выражается это зачастую в кенотических словах и выражениях. Кенотическими мы именуем языковые единицы, которые используются как средство умаления себя перед Богом и людьми, благочестивого самоуничтожения, например, таковыми являются определения-прилагательные *недостойный* (-ая, -ые), *недостойнейший* (-ая, -ие), *грешный* (-ая, -ые), *многогрешный* (-ая, -ые), *архигрешный* (-ая, -ые), *убогий* (-ая, -ие), используемые церковными писателями по отношению к себе (иногда – одновременно по отношению к себе и своим ученикам, людям в целом: *мы грешные*, *мы непотребные* и т. п.). В качестве кенотических языковых единиц также выступают существительные *раб* (-а, -ы), *грешник* (-а, -и), словосочетания *раб* (-а, -ы) *грешный* (-ая, -ые), *раб* (-а, -ы) *непотребный* (-ая, -ые), *раб* (-а, -ы) *многогрешный* (-ая, -ые), *раб* (-а, -ы) *неключимый* (-ая, -ые), *раб* (-а, -ы) *негодный* (-ая, -ые), *раб* (-а, -ы) *Божий* (-ая, -ие), *раб* (-а, -ы) *Христов* (-а, -ы). О реализации идеи самоумаления следует говорить и в тех случаях, когда автор явно уничижает себя, и в тех случаях, когда он предстает перед адресатом письма кающимся, смиряющим себя перед Богом и людьми, поскольку истинное покаяние, как мы уже отметили выше, приводит к смирению, а смирение лежит в основе самоумаления. Воплощение идеи самоумаления мы видим и в наставлениях автора письма своим духовным ученикам, если он указывает пути стяжания добродетели смирения, учит не возноситься над людьми, не быть горделивым, призывает к покаянию. Научение самоумалению – одна из основных задач духовных наставников; они учат ему и собственным примером (умалая себя), и назидая, утешая, разъясняя сущность христианства.

Обратимся к тем средствам, с помощью которых идея самоумаления человека реализуется в эпистолярной русской церковных писателей-монахов. Прежде всего скажем о ключевых образах. Образ Иисуса Христа, воплощающий истинные смирение и самоумаление, совершенную кротость, безграничную жертвенность предстает перед нами в письмах всех церковных писателей, изучение наследия которых проводилось в рамках данного исследования. Игумен Никон (Воробьев), показывая путь обретения покоя и душевного мира духовной ученице монахине Евпраксии, советует учиться у Христа смирению и кротости: *Будь посмирнее на работе. Делай все ради Бога, тогда и будешь спокойна. Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим. Вот средство найти покой, указанное Спасителем, Самим Богом, Господом.* Архимандрит Иоанн (Крестьянкин) в письме духовной дочери, рассуждая о том, что нужно смиренно нести крест собственной немощи и собственных несовершенств, пишет: *Спасемся мы, дорогая моя, не своими подвигами добродетели и даже не добродетелями, а подвигом Спасителя нашего Иисуса Христа, который оставил нам в наследие Свой Спасительный Крест, а наши малые кресты – подобие Его великого.* Кенотическое принятие страданий, жизненных трудностей человека связывается архимандритом Иоанном с принятием страданий Иисусом Христом; у Христа, как показывает наставник духовной ученице, следует

учиться отсечению собственной воли, принятию воли Божией и данного тебе жизненного креста. «Смирение Господа Иисуса Христа стало образом подражания для христиан и духовным средством для преображения. Наиболее ярко кенотические принципы самоотречения в христианстве проявились в мужественном перенесении страданий за веру», – говорится протоиереем Владимиром (Леоновым) в статье «Кеносис» [Православная энциклопедия 2013: 450]. Советы, наставления, призывы, просьбы, пожелания следовать примеру Христа в претерпевании страданий, благочестивом унижении, безусловном и безропотном принятии своего креста становятся неотъемлемой составляющей воспитания духовных учеников писателями-монахами. Кеносис человека – это путь к духовному и нравственному совершенству прежде всего через разумение и безропотное принятие воли Божией и своего креста (со всеми его страданиями). Связывая земной путь Христа и жизненный путь человека, авторы духовных писем часто обращают учеников к евангельским событиям и показывают, что их спасение – это следование за Христом в принятии скорбей, смирение себя, воспитание в себе способности не возноситься. Так, митрополит Макарий (Невский), утешая духовную ученицу, говорит о спасительности скорбей и напоминает о пути Христа: *Говоришь: «Как же всегда радоваться, когда видишь кругом неудачи?» – ...можно и в скорбях, и даже среди мученья радоваться, чрез упование, что эти скорби соделывают терпение, терпение же искусство, искусство – упование; упование не посрамит, потому что сердцу дано разуметь волю Божию, которая все устраивает (и скорби, и мученья) для нашего спасения, и уверенность, что мы идем скорбным путем за Христом.* К словам Иисуса Христа о кротости и смирении обращают духовные наставники и при научении способам обретения добродетели смирения; образ Христа становится здесь важным средством донесения смысла поучения. Самоумаление при этом может выделяться как признак смирения: *«Научитесь от Мене, – поучает нас Сам Христос Спаситель, – яко кроток есм и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим» (Мф. 11, 29). Но чтобы вы вернее уразумели, что такое истинное смирение, в этом письме изображу вам его признаки. Смирением можно назвать того, кто питает в себе всецелую преданность воле Божией, кто всякий успех свой приписывает благодати Божией, а не своим способностям или заслугам; кто ни в чем не доверяет своему разумению, но во всем последует повелениям настоятельницы или рассуждениям отца своего духовного; кто не только сам не оскорбляет никого, но с радостью переносит оскорбления, причиняемые ему другими; кто с благодарностью довольствуется малым и скудным, считая себя даже и того недостойным; кто истинно считает себя низшим всех и ни в чем не ставляет себя выше других...* (схиархимандрит Серафим (Романцов)). В образе Иисуса Христа воплощается этический идеал христианства. Способность к самопожертвованию, самоотдаче, отсечению своего «Я», самоумалению, явленные Христом, как показывают писатели-монахи, должны стать примером для верующих.

Важным в реализации идеи самоумаления человека становится образ мытаря, обращающий читателя к евангельской притче: *...два человека вошли в храм помолиться: один фарисей, а другой мытарь. Фарисей, став, молился сам в себе так: Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь: пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю. Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаз на небо; но, ударяя себя в грудь, говорил: Боже! будь милостив ко мне грешнику! Сказываю вам, что сей пошел оправданным в дом свой более, нежели тот: ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится (Лк. 18: 9–14).* Образ мытаря являет собой пример искреннего сокрушения о своих грехах, глубокого раскаяния, покаяния, смирения, скромности и непритворного самоумаления. О его значении для православной культуры богослов А.А. Ветелев писал: «В притче о мытаре и фарисее святая Церковь предложила нам образ истинного покаяния в лице мытаря, смиренно и сокрушенно в притворе храма кающегося в грехах своих и взывавшего к Богу: *Боже, милостив буди ко мне грешному (Лк. 18: 13)*» [Ветелев. URL:

https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Vetelev/poucheniya/1/. Упоминания о мытаре часто встречаются в письмах игумена Никона (Воробьева). Можно сказать, что образ мытаря становится центральным в эпистолярной игумена Никона и связующим все его письма. Основные функции этого образа – смыслообразующая и дидактическая. Обращая адресатов своих писем к притче о мытаре и его молитве, Никон (Воробьев) учит прежде всего смирению и покаянию, умалению себя перед Богом и людьми; именно в таких контекстах мы видим этот евангельский образ. Во многих письмах звучат мысли о том, что у христианина должно быть «настроение души, как у мытаря», что следует, как мытарь, покаянно и смиренно молиться, осознавая свою греховность, немощь и Божие всемогущество, уповая на Бога, дающего человеку силы. Игумен Никон говорит читателю о том, что следует уподобиться мытарю, стараться быть таким же, как и он, в деле покаяния, смирения и самоумаления, поэтому в его письмах часто используется прием сравнения (с мытарем) и цитирование молитвы мытаря. Из писем игумена Никона (Воробьева) схимонахине Валентине, насельнице Шамордина женского монастыря: *Правильно идущий путем духовным начинает видеть в себе все больше и больше грехов, пока наконец духовным зрением не увидит себя всего во грехе, в проказе душевной, почувствует всем сердцем, что он – грязь и нечистота, что недостойн он призывать даже имя Божие, и только, как мытарь, не смея возвести очи горé, с болью сердечной взывает: «Божже, милостив буди мне, грешному»; Значит, все мы, постоянно нарушающие заповеди, обязаны иметь **настроение души, как у мытаря**. Не искать в себе каких-либо достоинств, какие бы подвиги ни несли. Всегда мы рабы неключимые. Только милость Божия прощает кающихся и включает в царствие Божие*. Из письма монахине Марии и сестре ее Кате: *...мы должны, как мытарь, взывать от всего сердца: «Божже, будь милостив нам, грешным!»*. Из письма Вере Николаевне Зарудной: *Не удивляйтесь и Вы своим падением, а смиряйтесь и, как мытарь, чаще говорите: «Божже, милостив буди мне, грешной!»*. Упоминание о смирении мытаря находим и в письмах схиигумена Иоанна (Алексеева). Из письма Елене Акселевне Армфельт: *...унывать не надо, в основание положим **мытарево смирение** и Господь по своей благодати поможет нам грешным и избавит от напастей на духовном пути. А в немощах будем каяться, ибо все подвижники благочестия держались за смирение и покаяние. О необходимости учиться смирению мытаря говорит и схиархимандрит Серафим (Романцов): Фарисей больше нашего и молился, и постился, но без смирения и весь труд его ни во что, посему вы ревнуйте более **мытареву смирению**, которое обычно рождается от послушания...*

Воплощение идеи самоумаления человека мы видим и в образах хриstopодобных людей – святых. Схиархимандрит Виталий (Сидоренко) в одном из писем о самоумалении святых пишет: *Надо себя считать неоплатным виновником, принося покаяние. Видишь, **Святой Серафим Саровский**, чудотворец, стоя на камне, 1000 дней и ночей молился молитвой: «Божже, милостив буди ми, грешному». **Святой Ефрем Сирийский** называл себя мерзостью, а в молитве произносил: «даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего». **Святой Царь и Пророк** говорил: «Я червь Израилья». Апостол Павел называл себя извергом. И каждый из Святых себя хулил и плакал о гресех. <...> **Святой Великий Антоний** молил Бога указать, кому он подобен. И Господь сказал, что он не пришел еще в меру сапожника, живущего в городе. Святой пришел к сему человеку и узнал, что тот так мыслит: «Все люди спасутся, а я один погибну»... Монахиня Параскева (Матиешина) увещевает своего духовного сына В.Н. Щелкачева не возноситься над другими людьми, быть скромным и смиренным, воспринимать себя как «малейшего и ничтожнейшего», а в пример приводит святого царя и пророка Давида: *Если уж св. пророк Давид пишет о себе: «Аз есмь червь, а не человек, поношение человеков и уничижение людей» (Пс. 21, 7), – то что уж сказать о тебе или мне. Да кто мы? Прах и пепел, горсть земли*. Макарий (Невский), давая урок смирения духовной дочери, показывает, что христианину нужно учиться умягчать себя и вспоминает житие преподобного Сергия Радонежского: *Нужно бояться барства: елико высок еси, толико смирайся. Помни урок**

преподобного Сергия, который первый пошел рубить дрова, когда все отказались по разным предложениям.

Идея самоумаления человека утверждается в текстах писем с помощью интертекстуальных включений, в частности из псалмов и Евангелий, обычно интертекстемы сопровождаются комментарием автора. Так, схиархимандрит Серафим (Романцов) обращает адресата к 140-ому псалму, в котором отражается чувство сокрушения о грехах автора псалма – царя Давида; духовный наставник указывает ученику, что стихи псалма нужно вспоминать с покаянным настроением: *«Положи, Господи, хранение устом моим и дверь ограждения о устнах моих»...* Эти слова хотя великопостные, но и ныне пост св. ап. Петра и Павла, да и всегда эти стихи уместно и хорошо... вспоминать в **сокрушенном и покаянном духе**. Архиепископ Варлаам (Ряшенцев), утешая адресата своего письма, вспоминает 50-ый псалом (поканный): *К Вашим духовным строкам хочу в пояснение прибавить некоторые свои. Вы скорбите о своих немощах и неисправностях и добавляете, что они «несомненно погубят нас».* От себя скажу: *может и случится, если не будем сокрушаться и каяться. Если же будет сокрушение (и смирение), то сказано: «сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит».* Игумен Никон (Воробьев) в письме схимонахине Валентине, рассуждая о важности сокрушения сердечного и обретения смирения, говорит: *прошу вас всех: потерпите обиды, укоризны, несправедливости людские, понесите тяготы друг друга, чтобы хоть ими восполнить недостаток делания духовного. Главное – надо осознать себя достойным всяких оскорблений и скорбей («достойное по делам нашим приемлем»).* Обращая адресата письма к главе 23-ей, стиху 41-ому Евангелия от Луки (словам благоразумного разбойника «мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли»), игумен Никон учит терпению, смирению, любви к ближним, принятию воли Божией и самоумалению.

Лексическими репрезентантами идеи самоумаления человека становятся слова разных частей речи, передающие особое, кенотическое, состояние (умаления себя, своих достоинств) и критическое отношение к себе. Это имена прилагательные *недостойный (-ая, -ые), недостойнейший (-ая, -ие), грешный (-ая, -ые), многогрешный (-ая, -ые), архигрешный (-ая, -ые), убогий (-ая, -ие), низжайший (-ая, -ие), приснослабый (-ая, -ые), малейший (-ая, -ие), ничтожнейший (-ая, -ие), неключимый (-ая, -ые), немощный (-ая, -ые), худейший (-ая, -ие), непотребный (-ая, -ые).* Это имена существительные *раб, грешник, прах, ничтожество, песчинка.* В репрезентации идеи кеносиса также участвуют слова, которые можно отнести к корпусу православной лексики духовно-нравственного содержания, например, такие, как *уничтожение, поругание, смирение, самоукорение, кротость, скромность* и другие религионимы. Более подробные результаты изучения воплощения рассматриваемой идеи в духовных письмах писателей-монахов представлены в таблице.

Языковая репрезентация идеи самоумаления человека в русской монашеской эпистолярной культуре XX века	
Основные языковые репрезентанты	Примеры
имена существительные <i>раб (-а, -ы), грешник(-и), грешница, прах, песчинка, ничтожество, ничтожность, немощь, уничтожение, поругание, смирение, самоукорение, кротость, скромность, сокрушение, покаяние, покорность, послушание, поклон</i>	<i>Будем же плакать пред Богом, умоляя Его милосердие, чтобы простил и помиловал нас, неключимых рабов (игумен Никон (Воробьев));</i> <i>Господь пришел ради грешников, чтобы их спасти, а нам, чтобы спастись, осталось только искренне осознать, что именно мы те самые грешники и есть (архимандрит Иоанн (Крестьянкин));</i> <i>Очень радостно слышать, что ты становишься на путь самоукорения и стремишься последовать в этом отношении подвижникам благочестия (митрополит Иоанн (Снычев)).</i>
местоимения <i>никто, ничто, никакой</i>	<i>Утопающий хватается за соломинку, так и ты в своем душевном неустройстве ищешь поддержки в ближних своих. Мой жизненный</i>

	<p>опыт привел к тому взгляду, что никто нам не может помочь: ни сам себе, ни другие люди, а только Господь (игумен Никон (Воробьев));</p> <p>Начни с осознания того, что ты ничего не знаешь и что тебе необходимо учиться (митрополит Иоанн (Снычев));</p> <p>Поэтому в течение всей земной жизни Господь дает человеку познать, что без Бога он ничто, он раб своих страстишек... (игумен Никон (Воробьев)).</p>
<p>имена прилагательные недостойный (-ая, -ые), недостойнейший(-ая, -ие), грешный (-ая, -ые), многогрешный(-ая, -ые), архигрешный(-ая, -ые), убогий (-ая, -ие), ничтожнейший(-ая, -ие), низайший(-ая, -ие), приснослабый (-ая, -ые), малейший (-ая, -ие), неключимый(-ая, -ые), (-ая, -ые), худший(-ая, -ие), худейший(-ая, -ие), непотребный(-ая, -ые), кроткий(-ая, -ые), покаянный(-ая, -ые), покорный (-ая, -ые), послушный, смиренный, виноват(-а, -ы)</p>	<p>Милость Божия да будет с вами, спасайтесь, призывая на Вас мир и Божие благословение. Остаюсь убогий, грешный, недостойный иеромонах Анатолий (иеросхимонах Анатолий (Потапов));</p> <p>Остаюсь искренно любящая вас и всегда помнящая недостойная инокия Параскева (монахиня Параскева (Матиешина));</p> <p>Признак молитвы в теплоте сердечной и в сокрушении сердца, и чтобы сознать себя ничтожной и взывать к Господу: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешную» (схиигумен Иоанн (Алексеев)).</p>
<p>глаголы</p> <p>смирись/смирись, смиряйся/смиряйтесь, умолять/умоляй(-те), (по-)проси(-те), (по-)кайся/(по-)кайтесь, простить, укорить, умалить, умалает, покорись, покоритесь, не превозноситься, не возносись, прости(-те), принимать, принимай (-те), кланяться, кланюсь, поклониться</p>	<p>Роптать, конечно, не следует, но если уж пороптал, то покайся и не скорби (схиархимандрит Серафим (Романцов));</p> <p>Вот тебе наказ: как только допустила гордость, так сразу же клади три земных поклона с молитвою: «Господи, прости горделивую» (митрополит Иоанн (Снычев));</p> <p>Благо не в совете со многими, но во многом совете с одним. Господь даровал тебе духовного отца – ему и подклони свою выю и его советы принимай без обсуждения (архимандрит Иоанн (Крестьянкин)).</p>
<p>наречия</p> <p>смиренно, кротко, недостойно</p>	<p>...не надо извинять себя во грехах, а прямо и смиренно сознать, что виноват... только я один (схиархимандрит Серафим (Романцов));</p> <p>...надо и Вам не прятаться, а смиренно и кротко принять от руки всякого человека Божие вразумление (и от и. о. наместника, и от директора... музея, и от прочих) (архимандрит Иоанн (Крестьянкин));</p> <p>Господи! Помоги же мне, грешному изувелу, принести истинное покаяние, подобно тому иноку Силуану, которого я отпевал не так давно, и сподобил причаститься Святых Твоих Таин, недостойно носящего светлые церковные ризы и именоваться служителем и совершителем Божественной литургии... (схиигумен Иоанн (Алексеев)).</p>
<p>сверхсловные единицы</p> <p>раб (-а, -ы) грешный (-ая, -ые), раб (-а, -ы) непотребный (-ая, -ые), раб (-а, -ы) многогрешный (-ая, -ые), раб (-а, -ы) неключимый (-ая, -ые), раб (-а, -ы) негодный (-ая, -ые), раб (-а, -ы) Божий (-ая, -ие), раб (-а, -ы) Христов (-а, -ы), рабы своего Творца-Бога, горсть земли, прах земной, сокрушение / состояние / настроение мытаря, сокрушение сердечное, умолять/умоляйте Господа, прошу простить, (по-)проси(-те) прощения, будем смиряться, покорность воле Божией, без помощи, без помощи Божией</p>	<p>Особенно находящийся в молитвенном подвиге должен иметь молитву мытаря и сокрушение мытаря, иначе он... приобретет высокоумие, тщеславие и прелесть (игумен Никон (Воробьев));</p> <p>Благодарю тебя Господи, что нам многогрешным, немоцным иногда даешь приходить в Богопознание, это твоя милость. Мы, грешные, без Твоей помощи, не можем приобрести... ни единой добродетели... (схиигумен Иоанн (Алексеев));</p> <p>Поклонись Светлане, испрашивая у нее прощения, проси прощения у друзей, которые по неведению последовали за тобой, и возвратись с покаянием в свой монастырь (архимандрит Иоанн (Крестьянкин));</p> <p>Будем же смиряться друг пред другом и пред Господом и оплакивать свои неисцельные язвы, и по силе своей понуждать себя к любви друг ко другу (игумен Никон (Воробьев)).</p>

Языковой экспликацией идеи самоумаления человека способствует использование различных стилистических приемов. Выступая как актуализаторы смысла, в отрезках текста, содержащих идею кеносиса, тропы и фигуры помогают направлять адресата духовного письма на обретение добродетелей смирения, покаяния, скромности, любви к Богу и ближним и учить

бороться со своими страстями, в частности гордыней, не быть высокомерным, не приходиться в состояние самопревозношения.

Языковая репрезентация идеи самоумаления человека в русской монашеской эпистолярной культуре XX века: стилистические приемы	
Стилистические приемы	Примеры
Эпитет	Да укрепит тебя Господь, а Пречистая да покроет тебя Своим Омофором. И я, грешный, буду ограждать тебя своими скудными молитвами (митрополит Иоанн (Снычев)); Усерднейше кланяюсь вам и от всей души благодарю вас за все ваши милости и благодеяния и любовь по Богу и внимание, я ваш неоплатный должник... (неросхимонах Анатолий (Потапов)).
Метафора	Если ты будешь смотреть на людей, которые унижают тебя, как на орудия Божии , научающие тебя смирению, то ты никогда не допустишь огорчения на ближнего. Научись говорить: «Виновата я, ничего не умею, помолитесь» (митрополит Иоанн (Снычев)); Открывай свое сердце Господу со всеми немощами своими, не оправдывай себя, считай себя достойной не только временных скорбей, но и вечных мук, не теряя, однако, надежды на милосердие Божие... (игумен Никон (Воробьев)).
Сравнение	Ты уже унываешь и теряешься от малого искушения. Это Господь попускает тебе, чтобы ты познала свою немощь и поняла, как много всего таится в душе человека, какой труд надо понести, чтобы очистить себя от страстей... Когда откроется вся немощь человеческая, тогда припадешь ко Господу и уже из глубины сердца будешь вопиять к Нему, как утопающий апостол Петр (игумен Никон (Воробьев)); Татьяна явно преувеличивает мои качества. Я такой же грешник, как и многие другие. Боюсь обнадеживать тебя. Но раз уж сердце твое расположено доверять мне, то, по слову Господню, в меру сил своих буду посылать тебе духовные крупички для подкрепления твоего духовного организма (митрополит Иоанн (Снычев)).
Антитеза	...надо смиряться, не оправдывать себя, а во всем себя винить и укорять , и просить прощения у Бога и у людей (игумен Никон (Воробьев)); ...терпи, смирайся, и опять терпи, подставляя правую ланиту в духовном смысле, т. е. не оправдываясь, а принимая поношения и унижения : во-первых, за грехи, во-вторых, ради того, что добровольно избрали вы спасительный путь, который называется тернистым, и тесным, и трудным (схиархимандрит Серафим (Романцов)).
Перечисление	...надо как от руки Божией (так это и есть) принимать всякие унижения, оскорбления, обиды, даже падения – все содействующее подавлению нашего «Я»... (игумен Никон (Воробьев)); Ты обязана чистосердечно сознать свой грех и пойти к Татьяне, поклониться ей в ноги и искренно, от всей души попросить у нее прощения (митрополит Иоанн (Снычев)).
Лексический повтор	Я тебе писал в предыдущем письме о смирении , и еще повторяю: « смирайся , чадо, враг очень хитер и мы очень немощны» (схиигумен Иоанн (Алексеев)); Никогда никому Господь не отказывал в прощении, помощи и спасении, только нужно самому действительно почувствовать опасность своего положения, состояния гибели , т.е. сознать , что погибаем во грехах, что недостойны не только царствия Божия, но недостойны даже и молиться (игумен Никон (Воробьев)).
Анафора	Смирненным можно назвать того, кто питает в себе всецелую преданность воле Божией; кто всякий успех свой приписывает благодати Божией, а не своим способностям или заслугам; кто ни в чем не доверяет своему разумению, но во всем последует повелениям настоятельницы или рассуждениям отца своего духовного; кто не только сам не оскорбляет никого, но с радостью переносит оскорбления, причиняемые ему другими; кто с благодарностью довольствуется малым и скудным, считая себя даже и того недостойным; кто истинно считает себя низшим всех и ни в чем не ставляет себя выше других... (схиархимандрит Серафим (Романцов)). Лучше быть терпеливым, чем высокомерным. Лучше быть всегда готовым к прощению всяких обид людям, чем быть духом своим поспешным на гнев против них. Внутренний душевный покой обретается только смирением и кротостью (архимандрит Иоанн (Крестьянкин)).

Синтаксический параллелизм	<i>Не задавайтесь мыслию совершить что-либо великое, славное, за что бы похвалили вас теперь или после. Скромное дело, терпеливо день за день, год за год исполняемое и до конца доведенное, гораздо ценнее блестящих громких дел, начатых и недоконченных. Трапезник, служивший в одной церкви 30 лет, заслуживает более похвалы, чем священник, переменивший в это время 30 мест (митрополит Макарий (Невский)); Обнажайте себя со всеми недостатками, грехами, сомнениями и проч., и проч. Обнажайте себя пред Богом с покаянием, с молитвою... ((игумен Никон (Воробьев))).</i>
Вопросно-ответный ход	<i>С чего начать? Конечно, с того, чтобы распать свою волю и всякое послушание выполнять с радушием. Без этого немисливо никакое духовное совершенство (митрополит Иоанн (Снычев)); Гордость и высокомерие – гибель для человека. Какой вывод из сказанного? – Познавайте свою немощь и греховность, не осуждайте никого, себя не оправдывайте, смиряйтесь, и Господь вознесет Вас в свое время ((игумен Никон (Воробьев))).</i>

Заключение. Идея самоумаления (кеносиса) человека восходит к Евангелию и обращает к идеалу, данному верующим Иисусом Христом, что вводит ее в круг наиболее значимых идей монашеской словесности. Изучение эпистолярного наследия русских церковных писателей-монахов показывает, что кеносис человека как идея и как коммуникативное действие играет ключевую роль в духовном руководстве наставника своими учениками, воспитании их в христианской вере, их направлении в индивидуальном обучении и совершенствовании. Как показывает анализ писем, научение в смирении и самоумалении становится составляющей христианского воспитания. Кенотическое сознание русских писателей-монахов проявляется более всего в том, что наставники не ставят себя выше других, на что ориентируют и своих воспитанников, зачастую умалют свои достоинства, показывая: если что-то и есть в них доброго, хорошего, то это не их заслуга, а дано Богом, за что следует Бога неустанно благодарить. Иисус Христос в обретении добродетелей смирения и самоумаления дается ученикам как главный ориентир. Ключевыми образами в репрезентации идеи самоумаления становятся мытарь (образная репрезентация смирения, покаяния, самоумаления) и хриstopодобные люди. Главными языковыми репрезентантами идеи самоумаления становятся кенотические единицы – слова и выражения, которые используются в православной сфере как средство благочестивого самоуничижения и умаления себя перед Богом и людьми, становятся маркером церковно-религиозного стиля в целом и эпистолярных жанров монашеской словесности в частности. В качестве актуализаторов кенотических смыслов выступают тропы и фигуры, в особенности эпитеты, метафоры, перечисление и лексический повтор.

Литература

- Андреевский И.М. Православно-христианское нравственное богословие [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.gl/T7wKeD> (дата обращения: 08.12.2018).
- Астэр И.В. Современное русское православное монашество как социокультурный феномен: автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2009. 22 с.
- Бронзов А.А. Христианская добродетель – смирение. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Bronzov/hristianskaja-dobrodetel-smirenije/ (дата обращения: 08.12.2018).
- Ветелев А.А. Поучения. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Vetelev/poucheniija/1 (дата обращения: 11.12.2018).
- Воронин Т.Л. Художественные особенности эпистолярного наследия Феофана Затворника // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2007. № 2 (8). С. 7–19.

- Громов М.Н. Исихазм в восточнославянской культуре // Вестник славянских культур. Т. XI. 2009. № 1. С. 5–15.
- Думитраке Ю.К. Кенозис как философское понятие // Дискуссия. 2014. № 10 (51). С. 37–40.
- Иустин (Попович), архим. Христианство по учению преподобного Макария Египетского [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.gl/cCmqAJ> (дата обращения: 11.12.2018).
- Каширина В.В. Литературное наследие Оптиной Пустыни: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007. 52 с.
- Комков О.А. О некоторых аспектах феноменологии восточнохристианского художественного текста // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 4. С. 58–73.
- Лихачев Д.С. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. 68 с.
- Мейендорф И.Ф. О византийском исихазме и его роли в культурном и историческом развитии Восточной Европы в XIV веке // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 29. Л., 1974. С. 291–305.
- Моргачева А.В. Русская культура: влияние монашества на формирование ее универсалий: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2011. 23 с.
- Никитина С.В. Тринитарный подход к понятию послушания в антропологии архимандрита Софрония (Сахарова) // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2010. № 20. С. 63–70.
- Никитина С.В. Понимание любви и смирения в богословской мысли архимандрита Софрония (Сахарова) // Консультативная психология и психиатрия. 2012. № 3 (74). С. 81–100.
- Постовалова В.И. «Монастырь в миру» и его культурно-исторические лики (к богословию православной аскезы) // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири Magister Dixit. 2012. № 3. С. 46–81.
- Православная энциклопедия. Т. XXVII. Исаак Сирий – исторические книги / под общ. ред. Патриарха Моск. и всея Руси Кирилла. М.: Православная энциклопедия, 2011. 751 с.
- Православная энциклопедия. Т. XXXII. Катехизис – Киево-Печерская икона «Успение Пресвятой Богородицы» / под общ. ред. Патриарха Моск. и всея Руси Кирилла. М.: Православная энциклопедия, 2013. 752 с.
- Рожковский В.Б. Богословско-философские основания идеи кеносиса в контексте христианской антропологии // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 12. С. 240–246.
- Рожковский В.Б. Идея «умаления человека» в православной мысли: философско-религиоведческая реконструкция: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д, 2012. 40 с.
- Рубан Ю.И. Спасение. [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/spasenie-ruban> (дата обращения: 06.12.2018).
- Русская философия: словарь / под общ. ред. М. А. Маслина. М.: Республика, 1995. 655 с.
- Сержантов П.Б. Исихастская антропология о временном и вечном. Ин-т философии Рос. акад. наук. М.: Центр библейско-патрологических исследований отдела по делам молодежи Русской Православной Церкви. М.: Православный паломник-М., 2010. 320 с.
- Симеон (Гаврильчик), игумен. История исихазма и старческого служения в Православной Церкви и его традиции // XXII Международные Рождественские образовательные чтения (13 ноября 2013 г.). [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.gl/DLKJh9> (дата обращения: 21.11.2018).
- Симеон (Томачинский), иеромонах. Монашество в истории русской словесности. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/65647.html> (дата обращения: 25.11.2018).
- Скоков С. Н. Идея интуиции в диалоге феноменологии и исихазма: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2002. 27 с.

Скурат К.Е. Святость Руси. Святой подвиг Псково-Печерских старцев – назидательный пример Жития во Христе [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Konstantin_Skurat/svjatost-rusi/19 (дата обращения: 07.12.2018).

Скурат К.Е. Христианское учение о молитве и ее значение в деле нравственного совершенствования [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.gl/uEPXqr> (дата обращения: 09.12.2018).

Смолина А.Н. Речевой жанр совета в духовных письмах русских церковных писателей XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9–3 (63). С. 171–179.

Смолина А.Н. Речевой жанр утешения в эпистолярном церковно-религиозном общении (на материале писем русских церковных писателей-монахов XX века) // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2018а. № 2. С. 36–42.

Смолина А.Н. Речевой этикет русского духовного письма: монография. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018б. 288 с.

Ужанков А.Н. Учение о прилоге как духовная основа художественного образа Анны Карениной // Новый филологический вестник. 2017. № 2 (41). С. 89–100.

Цеханская К.В. Икона и старчество: к вопросу о национально-самобытном архетипе русского религиозного самосознания // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 11. Ч. 8. С. 41–57.

Чадаева С.В. Православный монастырь в социальном и историческом контексте духовной культуры России: дис. ... канд. филос. наук. Нижний Новгород, 2003. 200 с.

Шумило С.М. Исихастское учение в культуре Киевской Руси. Переводные произведения Ефрема Сирина и особенности их восприятия // Вісник Чернігівського державного педагогічного університету. Серія: Філософські науки: збірник наукових трудов / Чернігівський держ. пед. ун-т ім. Т.Г. Шевченка. Чернігів, 2009. Вип. 66: Кулішеві читання з філософії етнокультури. С. 136–142.

Ярмольская И.Ю. Духовное послание в документоведческом и стилистическом освещении: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 167 с.

References

Andreevskij I.M. Pravoslavno-hristianskoe npravstvennoe bogoslovie [Orthodox Christian moral theology]. Available at: <https://goo.gl/T7wKeD> [accessed 08.12.2018].

Astjer I.V. Sovremennoe russkoe pravoslavnoe monashestvo kak sociokul'turnyj fenomen [Modern Russian Orthodox monasticism as a socio-cultural phenomenon]. Abstract of Philosophy Cand. Diss., SPb., 2009, 22 p.

Bronzov A.A. Hristianskaja dobrodetel' – smirenie [Christian virtue – humility]. [Elektronnyj resurs]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Bronzov/hristianskaja-dobrodetel-smirenie/ [accessed 08.12.2018].

Vetelev A.A. Pouchenija [Sermons]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Vetelev/pouchenija/1 [accessed 11.12.2018].

Voronin T.L. Hudozhestvennye osobennosti jepistoljarnogo nasledija Feofana Zatvornika [Artistic features of Theophanes the Recluse's epistolary heritage]. *Vestnik Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo humanitarnogo universiteta. Serija 3: Filologija* [Bulletin of St. Tikhon's Orthodox humanitarian University. Series 3: Philology], 2007, no 2 (8), pp. 7–19.

Gromov M.N. Isihazm v vostochnoslavjanskoj kul'ture [Hesychasm in East Slavic culture]. *Vestnik slavjanskih kul'tur* [Bulletin of Slavic cultures], vol. XI, 2009, no 1, pp. 5–15.

Dumitrake Ju.K. Kenosis kak filosofskoe ponjatie [Kenosis as a philosophical concept]. *Diskussija* [Discussion], 2014, no 10 (51), pp. 37–40.

Iustin (Popovich), arhim. Hristianstvo po ucheniju prepodobnogo Makarija Egipetskogo [Christianity according to the teachings of St. Macarius of Egypt]. Available at: <https://goo.gl/cCmqAJ> [accessed 11.12.2018].

Kashirina V.V. Literaturnoe nasledie Optinoj Pustyni [Literary heritage of Optina Monastery]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow, 2007. 52 p.

Komkov O.A. O nekotoryh aspektah fenomenologii vostochnohristianskogo hudozhestvennogo teksta [On some aspects of the phenomenology of the Eastern Christian literary text]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 19. Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija* [Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Cross-Cultural Communication], 2009, no 4, pp. 58–73.

Lihachev D.S. Nekotorye zadachi izuchenija vtorogo juzhnoslavjanskogo vlijanija v Rossii [Some problems of studying the second South Slavic influence in Russia]. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1958. 68 p.

Mejendorf I.F. O vizantijskom isihazme i ego roli v kul'turnom i istoricheskom razvitii Vostochnoj Evropy v XIV veke [About Byzantine Hesychasm and its role in the cultural and historical development of Eastern Europe in the XIV century]. *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], vol. 29, Leningrad, 1974, pp. 291–305.

Morgacheva A.V. Russkaja kul'tura: vlijanie monashestva na formirovanie ee universalij [Russian culture: the influence of monasticism on the formation of its universals]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Rostov n/D, 2011, 23 p.

Nikitina S.V. Trinitarnyj podhod k ponjatiju poslushanija v antropologii arhimandrita Sofronija (Saharova) [A Trinitarian approach to the notion of obedience in anthropology by Archimandrite Sophronius (Sakharov)]. *Ezhegodnaja bogoslovskaja konferencija Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta* [Annual theological conference of St. Tikhon's Orthodox humanitarian University], 2010, no 20, pp. 63–70.

Nikitina S.V. Ponimanie ljubvi i smirenija v bogoslovskoj mysli arhimandrita Sofronija (Saharova) [Understanding of love and humility in the theological thought of Archimandrite Sophronius (Sakharov)]. *Konsul'tativnaja psihologija i psixiatrija* [Counseling psychology and psychiatry], 2012, no 3 (74), pp. 81–100.

Postovalova V.I. «Monastyr' v miru» i ego kul'turno-istoricheskie liki (k bogosloviju pravoslavnoj askezy) [«Monastery in the world» and its cultural and historical faces (to theology of Orthodox asceticism)]. *Nauchno-pedagogicheskij zhurnal Vostochnoj Sibiri Magister Dixit* [Scientific and pedagogical journal of Eastern Siberia Magister Dixit], 2012, no 3, pp. 46–81.

Pravoslavnaja jenciklopedija [Orthodox encyclopedia]. T. XXVII. Isaak Sirin – istoricheskie knigi [Isaac The Syrian – historical book] / pod obshh. red. Patriarha Mosk. i vseja Rusi Kirilla. Moscow, Pravoslavnaja jenciklopedija Publ., 2011, 751 p.

Pravoslavnaja jenciklopedija [Orthodox encyclopedia]. T. XXXII. Katehizis – Kievo-Pecherskaja ikona «Uspenie Presvjatoj Bogorodicy» [Catechism – Kiev-Pechersk icon «Assumption of the Blessed Virgin»] / pod obshh. red. Patriarha Mosk. i vseja Rusi Kirilla. Moscow, Pravoslavnaja jenciklopedija Publ., 2013, 752 p.

Rozhkovskij V.B. Bogoslovsko-filosofskie osnovanija idei kenosisa v kontekste hristianskoj antropologii [Theological and philosophical foundations of the idea of kenosis in the context of Christian anthropology]. *Nauchnye problemy gumanitarnyh issledovanij* [Scientific problems of humanitarian research], 2010, no 12, pp. 240–246.

Rozhkovskij V.B. Ideja «umalenija cheloveka» v pravoslavnoj mysli: filosofsko-religiovedcheskaja rekonstrukcija [The idea of «selfdeprecation of a person» in Orthodox thought: a philosophical-theological reconstruction]. Abstract of Philosophy Dr. Diss. Rostov n/D, 2012. 40 p.

Ruban Ju.I. Spasenie [Salvation]. Available at: <https://azbyka.ru/spasenie-ruban> [accessed 06.12.2018].

Russkaja filosofija: Slovar' [Russian philosophy: Dictionary] / pod obshh. red. M.A. Maslina. Moscow, Respublika Publ., 1995. 655 p.

Serzhantov P.B. Isihastskaja antropologija o vremennom i vechnom [Hesychast anthropology about time and eternity]. In: t. filosofii Ros. akad. nauk. Moscow, Centr biblejsko-patrologicheskikh issledovanij otдела po delam molodezhi Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi Publ., Moscow, Pravoslavnyj palomnik-M. Publ., 2010. 320 p.

Simeon (Gavril'chik), igumen. Istorija isihazma i starcheskogo sluzhenija v Pravoslavnoj Cerkvi i ego tradicii [History of Hesychasm and senile Ministry in the Orthodox Church and its traditions]. XXII Mezhdunarodnye Rozhdestvenskie obrazovatel'nye chtenija (13 nojabrja 2013 g.) [XXII International Christmas educational readings (13 November 2013)]. Available at: <http://monasterium.ru/publikatsii/doklady/369-istoriya-isikhazma-i-starcheskogo-sluzheniya-v-pravoslavnoj-tserkvi-i-ego-traditsii/> [accessed 21.11.2018].

Simeon (Tomachinskij), ieromonah. Monashestvo v istorii russkoj slovesnosti [Monasticism in the history of Russian literature]. Available at: <http://www.pravoslavie.ru/65647.html> [accessed 25.11.2018].

Skokov S.N. Ideja intuicii v dialoge fenomenologii i isihazma [The idea of intuition in the dialogue of phenomenology and Hesychasm]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Moscow, 2002. 27 p.

Skurat K.E. Svjatost' Rusi. Svjatoj podvig Pskovo-Pecherskikh starcev – nazidatel'nyj primer Zhitija vo Hriste [Holiness Of Russia. The Holy feat of the Pskov-Pechersk elders is an instructive example of Life in Christ]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Konstantin_Skurat/svjatost-rusi/19 [accessed 07.12.2018].

Skurat K.E. Hristianskoe uchenie o molitve i ee znachenie v dele npravstvennogo sovershenstvovanija [Christian doctrine of prayer and its importance in moral perfection]. Available at: <https://goo.gl/uEPXqp> [accessed 09.12.2018].

Smolina A.N. Rechevoj zhanr soveta v duhovnyh pis'mah russkikh cerkovnyh pisatelej XX veka [Speech genre of advice in the spiritual letters of the russian church writers of the 20th century]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2016, no 9–3 (63), pp. 171–179.

Smolina A.N. Rechevoj zhanr uteshenija v jepistoljarnom cerkovno-religioznom obshhenii (na materiale pisem russkikh cerkovnyh pisatelej-monahov XX veka) [The speech genre of consolation in the epistolar ecclesiastical and religious communication (on the material of the letters of the russian ecclesiastical monks-writers of the 20th century)]. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovanija* [The science of man: humanitarian research], 2018a, no 2, pp. 36–42.

Smolina A.N. Rechevoj jetiket russkogo duhovnogo pis'ma: monografija [Speech etiquette Russian spiritual letters: monograph]. Krasnojarsk, Sib. feder. un-t Publ., 2018b. 288 p.

Uzhankov A.N. Uchenie o priloge kak duhovnaja osnova hudozhestvennogo obraza Anny Kareninoj [The Teaching about Prilog as the Spiritual Basis of the Image of Anna Karenina]. *Novyj filologicheskij vestnik* [The New Philological Bulletin], 2017, no 2 (41), pp. 89–100.

Cehanskaja K.V. Ikona i starchestvo: k voprosu o nacional'no-samobytnom arhetipe russkogo religioznogo samosoznaniya [The icon and the eldership: to the question of national-original archetype of the Russian religious consciousness]. *Sovremennye tendencii razvitija nauki i tehnologij* [Modern trends in the development of science and technology], 2016, no 11, part 8, pp. 41–57.

Chadaeva S.V. Pravoslavnyj monastyr' v social'nom i istoricheskom kontekste duhovnoj kul'tury Rossii [The monastery in the social and historical context of the spiritual culture of Russia]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Nizhnij Novgorod, 2003. 200 p.

Shumilo S.M. Isihastskoe uchenie v kul'ture Kievskoj Rusi. Perevodnye proizvedenija Efrema Sirina i osobennosti ih vosprijatija [Hesychast teaching in the culture of Kievan Rus]. *Visnik Chernigivs'kogo derzhavnogo pedagogicheskogo universitetu. Serija : Filosofs'ki nauki : sbornik nauchnyh trudov / Chernigivs'kij derzh. ped. un-t im. T.G. Shevchenka* [Bulletin of Chernihiv state pedagogical

University. Series: Philosophical Sciences: collection of scientific works. Chernihiv state pedagogical University. T.G. Shevchenko], Chernigiv, 2009, Issue 66: Kulishevi chitannja z filosofii etnokul'turi, pp. 136–142.

Jarmul'skaja I.Ju. Duhovnoe poslanie v dokumentovedcheskom i stilisticheskom osveshhenii [Spiritual message in documentary and stylistic coverage]. Abstract of Philology Cand. Diss. Volgograd, 2006. 167 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Смолина Анджелла Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и речевой коммуникации

Сибирский федеральный университет

Россия, 660041, Красноярск, пр. Свободный 82а

E-mail: angelic2009@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Smolina Andzhella Nikolaevna, Candiate of Philology, Associate Professor of the Department of the Russian Language and Speech Communication

Siberian Federal University

82a Svobodny street, Krasnoyarsk 660041 Russia

E-mail: angelic2009@mail.ru